

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 812.819

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Correo
Central B
Argentina

AÑO XVII

Buenos Aires, martes, 23 de febrero de 1965

Буэнос Айрес, вторник 23 февраля 1965 года № 787

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

261. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЕДКА А. Н. КОСЫГИНА В ВЬЕТНАМ С МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНОЙ НОЧЕВКОЙ В ПЕКИНЕ. — ЧЕМ ИНТЕРЕСНА СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ Ф. Р. КОЗЛОВА? — ДВА ЛЮБОПЫТНЫХ ПРОЦЕССА И СКАНДАЛЬНОЕ ДЕЛО ВАЛЕНТИНА МОКРОУСОВА. — НАЗНАЧЕНИЕ ПОСЛОМ В ЧИЛИ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА АНИКИНА. — ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Первым серьезным дипломатическим маневром нового советского премьера А. Н. Косыгина является его поездка в Вьетнам, что означает возвращение СССР к активной антизападной политике на самом опасном в мире участке — в Юго-Восточной Азии, где нерешительная и неприспособленная к психологии восточно-азиатских народов политика Соед. Штатов терпит одно поражение за другим. Американцы глупо решили применить принцип западной и специфически американской демократии среди народа, издревле монархического и религиозного. Сначала они опирались на католическое меньшинство с энергичными братьями Дьем и создательницей женских массовых католических организаций — женой одного из них. Потом испугались студенческих манифестаций и демонстративных самоожжений, обычных в истории этого народа, и создали генеральскую диктатуру без всякой политической программы, а затем потребовали замены ее в разгар гражданской войны “демократическим” правительством из либеральных штатских интеллигентов. В отношении поддерживающих повстанцев северо-вьетнамских коммунистов применяют глупую тактику частичных репрессалий, всякий раз потом в них оправдываясь. Пекин открыто поддерживает мятежников, к которым с севера все время идут подкрепления. Теперь Косыгин, согласно решению последнего Пленума ЦК, вылетел в Вьетнам, чтобы провозгласить советский лозунг: “Американцы, руки прочь!” Накануне отъезда Громыко объявил в Москве, что Косыгин согласен принять в этом году добивающегося приглашения в Москву американского президента и это обмануло американцев, которые не понимают угрожающий тон поездки Косыгина на театр военных действий.

Косыгина сопровождают секретарь ЦК по руководству компартиями коммунистических стран Ю. В. Андропов, министр гражданской авиации СССР Е. Ф. Логинов, первый зам. мин. иностранных дел В. В. Кузнецов, зам. мин. обороны и командующий военно-воздушными силами, член ЦК, главный маршал авиации К. А. Вершинин, а также завед. отделом Азиатских стран зам. мин. иностр. дел Сергей Георг. Лапин и прибывший для подготовки этой поездки в Москву новый, с августа прошлого года, посол в Вьетнаме Илья Петр. Щербаков. Участие в поездке Логинова и маршала Вершинина показывает, что дело будет идти о снабжении северо-вьетнамских коммунистов советской военной и гражданской авиацией. Последняя возьмет на себя снабжение всякими продуктами промышленности и медикаментами, а первая будет бить по американской авиации, которая пытается бомбардировать изредка базы снабжения на территории сев. Вьетнама.

Косыгин со свитой вылетел на самолете из Москвы 4-го февраля и переночевали в Иркутске, откуда вылетели 5-го в Пекин. При этом выяснилось, что по требованию СССР правительство Соед.

Штатов взяло на себя обязательство проследить, чтоб вьетнамские антикоммунисты не произвели никаких террористических актов против Косыгина. Он едет туда, чтоб поддержать антиамериканские выступления местных коммунистов, а правительство Соед. Штатов берет на себя его охрану. Оказывается, что это продиктовано не только американской трусостью перед возможным конфликтом с СССР в случае покушения на Косыгина на враждебной Соед. Штатам территории Сев. Вьетнама, но и глупым расчетом, что Косыгин в целях борьбы против агрессивной политики Пекина будет уговаривать правительство Хо Ши Мина не очень бить американцев в южном Вьетнаме своими партизанскими налетами на американские аэродромы и всякие военные базы.

5-го февраля Косыгин был сухо встречен на Пекинском аэродроме председателем совета министров Чу Эн-лаем, который, несмотря на мороз, был без шляпы. Косыгин в барашковой шапке и теплом пальто вызвал насмешливое замечание иностранного журналиста: “китайские коммунисты моложе и не боятся простуды, как одряхлевшие (Косыгину 60 лет) московские большевики”. Рукопожатия без всяких речей и почетных караулов, затем поездка по улицам без всяких приветов толпы, но под охраной полиции и деловые разговоры при закрытых дверях — таков пекинский день Косыгина, вылетевшего 6-го рано утром в Ханой, где его встретил “дядя Хо”, как советские дипломаты зовут между собой старого Хо-Ши-Мина.

Крайне загадочным является двухдневное путешествие 1-го и 2-го секретарей ЦК Брежнева и Подгорного в Венгрию. 29-го января они полетели из Москвы в Будапешт, где провели два дня в беседах с Кадаром и другими членами Политбюро ЦК компартии Венгрии “по вопросам, интересующим обе стороны”, как гласит коммюнике. непонятно, почему пришлось им два дня беседовать с Кадаром, с которым, как знают читатели, они так недавно заседали в Варшаве на военном совещании участников Варшавского Пакта. Лично я предполагаю, что они стремились использовать вековую ненависть венгров к румынам и известный антисемитизм Кадара и других венгерских коммунистов, чтоб обеспечить себе поддержку против возможных антисоветских маневров румынской компартии и ее еврейских лидеров Георгиу Деж, Маурера и Кишиневского. Оговариваясь, что это мое личное предположение.

Любопытные соображения вызвала у меня церемония, связанная с кончиной 30-го января Фрола Романовича Козлова, по сообщению ЦК, “видного деятеля КПСС и Советского государства, члена ЦК и члена Президиума Верховного Совета”. Не буду повторять его не раз мною изложенной биографии, но напомним, что он исчез при решении ЦК судить полковника Пеньковского показателем судом, на котором его обвини-

ли в передаче англо-американским дипломатам данных о переписке ЦК с Пекином, которые не могли быть ему известны иначе, как от дочери Козлова, которая исчезла одновременно с отцом. Полтора года Козлов числился секретарем ЦК и членом его Президиума, а только после падения Хрущева, к которому был так близок, что считался его вероятным преемником, он исключен из секретарей и членов Президиума, а в качестве члена ЦК получил долгосрочный отпуск, во время которого умер. Хотя это рядовой член ЦК, к нему посмертно применили всю процедуру пышных похорон: прощание, перенесение гроба Брежневым, Косыгиным, Подгорным и Микояном, похороны на Кремлевской площади, как будто считали его еще сейчас секретарем и членом ЦК. Протокол вскрытия сообщает нам, что он “длительное время страдал гипертонической болезнью и тяжелым распространенным артериосклерозом при неоднократных нарушениях мозгового кровообращения с кровоизлияниями в мозг, а смерть последовала от острой недостаточности кровообращения в сосудах сердца”. Это подписали два академика: В. X. Василенко (бывший “врач-отравитель”) и Н. К. Шмидт (оба вызваны были лечь в Крым Тольятти) врачи Н. К. Пермяков и А. И. Катамидзе и лечащий Козлова врач В. Г. Тарасов и “политкомиссар” на всех вскрытиях нач. 4-го гл. управления при минист. здравоохранения СССР проф. А. М. Марков. Это обилие подписей как будто должно рассеять сомнения в том, что это была естественная для больного смерть. Напечатаны соболезнования не только от ЦК Президиума Верховного Совета и совета министров, но и от ленинградских партийных и советских органов власти со словами “больно отозвалась в сердцах ленинградцев безвременная смерть Фрола Романовича Козлова, который в течение ряда лет работал секретарем Ленинградских городского и областного комитетов партии”.

Странно лишь, что весь этот почет и портрет даны на второй странице “Правды” и других газет, а первая страница оставлена для мелкой хроники.

Конечно, он мог хворать в 55 лет полтора года и умереть, но наводят на подозрения следующие три обстоятельства:

1. Почему его “болезнь” скрывали полтора года и уверяли, что он занимает формально прежние руководящие посты, пока стоял у власти Хрущев?
2. Раз он эти посты потерял с ноября 1964 года, то почему ему после этого воздают почести, которые никогда в СССР не воздавали отставным деятелям партии?
3. Почему ему не дали до смерти числиться секретарем и членом през. ЦК; Ленин, утративший сознание и способность речи и передвижения, около 2-х лет оставался формально на посту, как свыше года больной зам. председ. совнаркома А. Д. Цурюла и около года посол Японии Ив. Фед. Тевосян. А Козлов мог “числиться” лишь при Хрущеве, затем его сняли и, наконец, ему вскоре после снятия надо было умереть и получить протокол вскрытия и почетные похоро-

ны для устранения всяких слухов о ликвидации. Пусть мои предположения покажутся фантастическими, но в СССР действительность превосходит всякую фантазию: когда Сталин проливал слезы у гроба Орджоникидзе, даже я не думал, что последний застрелился по его приказу в присутствии жены и чекистов, которым велено было в него стрелять, если он при них сам не застрелится; при сообщении об самоубийстве Ханджяна даже я не мог себе представить, что его вызвали из Еревана в Тбилиси Маленков и Берия и в кабинете последнего хозяин, при присланном Сталиным Маленкове, застрелил его из браунинга.

В момент смерти Козлов находился юридически в одном положении с Хрущевым, снятый с поста секретаря ЦК и лишены поста члена Президиума ЦК, но еще числящийся членом ЦК и членом Президиума Верховн. Совета (Хрущев же просто депутат). Надо было, однако, ввиду прежней его популярности дать ему торжественные похороны, которые дал Сталин Орджоникидзе и поэтому устроили весь этот присвоенный церемонии, который дают тем жертвам режима, ликвидации которых хотят сохранить в тайне. Молотов, Каганович, Маленков, маршал Жуков официально объявлены врагами правящей верхушки, исключены из ЦК и, возможно, из партии, а потому им не устроили таких похорон. Имею сведения, которые нелегко проверить, что в прошлом году умер и похоронен в Москве без всяких почестей и даже простого сообщения в газетах Каганович. Но Козлов и Хрущев — в другом положении: оба от всяких должностей формально отстранены под предлогом болезни, а потому с ними можно сыграть в ту же комедию почетных похорон, которые устроили в 1928 году троцкисту Иоффе, а десять лет спустя Орджоникидзе. Поэтому хорошо сыгранная церемония прощания с Козловым, всякие “спи с миром, дорогой товарищ” мне показались генеральной репетицией того, что может со дня на день произойти с Хрущевым. Раз его не смеют открыто даже критиковать, не называют его имени в газетах, а он еще жив и возбуждает интерес иностранных дипломатов и журналистов, то было бы очень кстати опровергнуть слухи, что он смещен по постановлению ЦК за свои ошибки и даже преступления: вот вы не верили, что Козлов болен, а теперь сами читаете протокол вскрытия, как читали подписанный несчастными врачами протокол, описывавший несуществующие болезни Орджоникидзе, Ханджяна и самого Сталина. Для вящей убедительности в протоколе смерти Сталина было даже сказано: “неотвратимый характер болезни и невозможность положительных результатов лечения”. Как же теперь сомневаться, что Сталин был болен и его лечили? Как же теперь нам сомневаться, что Козлов был тоже болен, раз он умер? Если кто сомневается в том, что Никита покинул свои оба поста главы партии и государства только по болезни “из-за преклонных лет и ухудшившегося состояния здоровья”, то эти сомнения лучше всего усыпить его смертью (“сомневались, что он болен, но вот он

† 20-го сего февраля, в день 45-й годовщины у б и й с т в а

АДМИРАЛА

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЧАКА

в Храме Св. Равноап. Князя Владимира, после всеобщей была отслужена

ПАНИХИДА

